

РИХАРД ШАПКЕ

ФАЛАНГА

ИСПАНСКИЙ НАЦИОНАЛ-СИНДИКАЛИЗМ



ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 329.281
ББК 68.69
Ш23

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с немецкого — Ислам Паштов

Шапке, Р.

Ш23 Фаланга. Испанский национал-синдикализм. —М.: Тотенбург, 2024. — 166 с.

Книга немецкого историка и публициста Рихарда Шапке рассказывает историю одной из самых известных правых партий в XX веке — Фаланги. Являясь организационным воплощением испанского национализма, она прошла путь от революционных требований национал-синдикализма эпохи Хосе Антонио до бюрократического обслуживания католической диктатуры Франко. Автор стремится проследить процесс внутривнутрипартийной борьбы длиною в десятилетия: от Гражданской войны до последних годов франкизма. Данное направление дополняется также рассмотрением социально-экономических преобразований, отражающих сверхпротиворечивый характер внешне незыблемого испанского авторитаризма.

**УДК 329.281
ББК 68.69**

© Ислам Паштов,
перевод с немецкого, 2024

© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ:

ЗАРОЖДЕНИЕ

ИСПАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА 5

ЧАСТЬ 1:

ФАШИЗМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ (1922–1932)..... 13

Эрнесто Хименес Кабальеро..... 13

Рамиро Ледесма Рамос

и рождение национального синдикализма 16

Juntas de Ofensiva Nacional-Sindicalista 21

ЧАСТЬ 2:

ХОСЕ АНТОНИО

И ОСНОВАНИЕ ФАЛАНГИ (1933–1934) 26

ЧАСТЬ 3:

FALANGE ESPANOLA DE LAS JUNTAS

OFENSIVAS NACIONAL-SINDICALISTAS 43

ЧАСТЬ 4:

РАДИКАЛИЗАЦИЯ (1934–1935) 57

ЧАСТЬ 5:

ДОРОГА К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (1936)..... 72

ЧАСТЬ 6:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПАРТИЯ (1936–1939)..... 84

ЧАСТЬ 7:

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА —

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС (1939) 99

ЧАСТЬ 8:

ПРИГОВОРЕННЫЕ К БЕССИЛИЮ

(1943–1977)	131
Дефашизация	131
Возрождение в 50-е годы.....	137
Попытка государственной реформы	141
Упадок	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	157

ПРОЛОГ:

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСПАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Мы не любим эту разруху,
этот декаданс нашей нынешней физической Испании.
Мы любим вечную и непоколебимую метафизику Испании.

Хосе Антонио Примо де Ривера

Политическая культура Испании — европейская особенность, потому что испанский национализм долгое время был слабо развит. Корона и государство существовали более 500 лет, форма испанского государства как федерации культурно и экономически очень разных территорий, удерживаемых вместе личностью правителя, была закреплена с XVI века. Фактически страна была независимой с XI века, а первой мировой державой в истории — примерно с 1500 года. Национализм, как правило, развивался в периферийных районах, таких как Каталония или Страна Басков, а общеиспанского интегрального национализма не существовало. Испания скорее воплощала в себе расплывчатую концепцию общей идентичности населения в королевствах католических правителей. Здесь стоит упомянуть единую католическую религию (католицизм и народная культура были идентичны вплоть до XX века), культурную общность, такую как закон и письменность,

а также общую ориентацию на Реконкиту на Пиренейском полуострове или последующую Конкиту в Америке — обе были продиктованы своего рода крестonosным идеалом. Будучи самым большим и густонаселенным королевством, Кастилия является синонимом Испании в целом.

Французское вторжение под руководством Наполеона стало поворотным моментом, пробудив ксенофобский и роялистский национализм. Вследствие отсутствия современного политического содержания, возможно, лучше говорить о неотрадиционализме. Современное централизованное государство XIX века, с другой стороны, было продуктом либерального национализма, который, однако, в силу своего элитарного характера скорее можно отнести к слабым и не мобилизовавшим массовую базу. Испания получила государственный флаг только в 1843 году, не было национального гимна, и существовала лишь слаборазвитая система образования. После Наполеона страна не испытывала реальной внешней угрозы, буржуазный либерализм господствовал почти 100 лет, не принеся ничего, кроме хаоса и стагнации. Зарождающееся паниспанское государство, отсталое во всех смыслах этого слова (потерявшее большую часть своей огромной колониальной империи после наполеоновских войн), сотрясилось жестокой фракционной борьбой между различными либеральными и консервативными фракциями, с одной стороны, и тремя войнами против ультраконсервативных

карлистов, которые в некотором роде были наследниками народного восстания 1808 года, с другой.

Карлисты изначально исходили из лозунгов Отечества и патриотизма, поскольку национализм отождествлялся с Французской революцией и считался слишком прогрессивным. Вскоре они адаптировали эту концепцию и определили себя как единственных настоящих испанцев в оппозиции к либерализму или даже левым. Регионализм и децентрализация рассматривались как подлинное выражение исторических испанских институтов, единственный способ удовлетворить всех испанцев в их глазах. После недолговечной республики начала 1870-х годов конституционно-монархическая система реставрации, установленная в 1874 году, основывалась на концепции единой испанской нации, в то время как зарождающийся культурный национализм признавал различные этнические группы и скорее понимал католицизм как объединяющую связь.

В связи с кубинским вопросом (остров восстал против испанского владычества) в 1890-х годах развился более открытый и активный национализм, что укоренился прежде всего в армии. Этот «новый» национализм был политически более правым и носил милитаристский и империалистический характер. Культурные мотивы также были привнесены зарождающимся испанским романтизмом. Если раньше вся Европа критиковала склонность испанцев к жестокости, чувствительности и насилию (*leyenda*

negra), то теперь эти качества были переосмыслены как национальные достоинства. То же самое относится и к испанской повседневной культуре с ее арабским влиянием. Жестокость и грубость были переосмыслены как храбрость, черты конкистадоров в Америке относились к авантюризму испанцев. Высокомерие и гордость кастильской знати воспринимались как добродетель, чуждая буржуазной Европе, а фанатизм прежних времен возродился в духовной религиозности, полностью противопоставленной европейскому материализму. Национализм в современном понимании по-прежнему блокировался медленным экономическим развитием и отсутствием новых политических, экономических и культурных влияний.

Кубинский кризис перерос в войну против США в 1898 году, которая принесла Испании катастрофическое поражение и потерю оставшихся колоний. Для многих катастрофа 1898 года продемонстрировала неспособность существующего государства справиться с проблемами страны. Здесь мы имеем дело с первой постколониальной травмой в современной Европе, испанское общество страдало от ощущения полного провала, возможно, неправильно понятого 300-летнего пути развития. Вскоре после этого Хоакин Коста и другие основали литературное движение регенерационистов — «железный хирург» должен был твердой рукой модернизировать Испанию. Раздробленное движение не смогло одер-

жать верх над политической апатией феодальной элиты высшего класса.

За ним последовало «Поколение 1914 года» (прежде всего Хосе Ортега-и-Гассет, находившийся под влиянием Ницше), выступавшее за модернизацию государства, общества и экономики гораздо более решительно. Национальности Испании должны были объединиться в этих общих усилиях и задачах. Испанская нация определялась не как постоянная основа, а как продукт общей истории и общих национальных начинаний — именно то, с чего всего несколько лет спустя должен был начаться испанский фашизм. Наряду с идеей общей миссии появились реликвии регенерационистов, такие как диктатура модернизации или сословное государство, к которому призывал Рикардо Масиас Пикавеа еще в 1899 году. Важными импульсами для испанского раннего фашизма послужили «левый интервенционизм» Италии 1914–1915 годов и итало-французский национал-синдикализм, не говоря уже об интегрализме Лузитано (1917) в Португалии, что ориентировался на предфашистское Французское действие. Офицерский корпус был единственным значимым институтом в Испании, поддерживающим зарождающийся национализм. Испанская армия была самой преторианской во всей Европе, склонной к переворотам и все дальше уходящей вправо. Ее военные критиковали не только левые революционные усилия, но и извращения капитализма и отсталость

страны. На другой стороне политического спектра уже давно сформировалось чрезвычайно мощное и воинственное рабочее движение. И здесь Испания демонстрирует особое развитие — доминирующим фактором были не социалистические партии, а анархо-синдикалистский боевой профсоюз CNT.

13 сентября 1923 года, с одобрения короля, Мигель Primo де Ривера, генерал-капитан Барселонны, проложил себе путь к власти и положил конец существованию прогнившего буржуазно-консервативного реставрационного государства. Primo де Ривера находился под сильным влиянием регенерационистов — казалось, что «железный хирург» пришел модернизировать Испанию в результате революции сверху. Наибольший всплеск модернизации и индустриализации страна пережила до 1960-х годов. Однако политическая нерешительность и отсутствие реальной политической программы привели к тому, что диктатор оказался между всеми фронтами, а растущий государственный долг и начало мирового экономического кризиса окончательно ввергли режим в кризис. Радикализация по образцу дружественной фашистской Италии была невозможна, даже если бы сказывалось идеологическое влияние со стороны фашизма. Когда генерал окончательно потерял всякую поддержку среди населения, экономики и армии, он подал прошение об отставке 30 января 1930 года и вскоре после этого умер в изгнании во Франции.

Это была первая прямая диктатура в истории Испании. Примо де Ривера начал серию реформ и обеспечил период процветания для миллионов людей. Тем не менее он потерпел полное фиаско, потому что не смог легитимизировать себя или найти политическую альтернативу. Как бы то ни было, мы имеем дело с поворотным моментом. Режим намекал на авторитарно-националистическую альтернативу парламентаризму. С корпоративистской системой, дирижистской экономической политикой, плебисцитарными элементами, органической государственной структурой, сильной исполнительной властью и государственной партией с монополией на ключевые посты в администрации и на политико-идеологическую правду, она была не только идеологической лабораторией для новых авторитарных правых, но и разработала новый стиль символики, пропаганды и риторики, а также выявила ряд активистов, которым предстояло сыграть роль в рядах радикальных правых и при Франко. Среди самых внимательных слушателей Примо де Ривера был бригадный генерал Франсиско Франко Баамонде, в то время самый молодой генерал в Европе и командир новой военной академии Сарагосы. Он сделал судьбоносный вывод, что авторитарно-националистическое государство может принести единство, закон и порядок, военную победу, национальное процветание и технологическую модернизацию.

Диктатура ознаменовала конец либеральной преемственности и конституционной монархии. Уничтожив парламентаризм, она радикализовала часть буржуазии влево, и республиканизм и радикальный либерализм снова стали политическими альтернативами. Монархия была дискредитирована настолько, что король Альфонсо XIII был вынужден отправиться в изгнание в Италию — тем самым была предотвращена гражданская война. Затем последовала Вторая республика, которая первоначально была основана на союзе республиканцев и социалистов. Споры между консерваторами и либералами, между буржуа и левыми, между централистами и регионалистами, между монархистами и республиканцами, а также между социалистами и анархистами надолго парализовали республику, результатом чего стал внутривнутриполитический и экономический хаос.

ЧАСТЬ 1:

ФАШИЗМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ (1922–1932)

ЭРНЕСТО ХИМЕНЕС КАБАЛЬЕРО

В декабре 1922 года в Барселоне вышел первый и единственный номер газеты *La Camisa Negra*. Как следует из названия, он был вдохновлен итальянской моделью. В беспокойном и космополитичном средиземноморском мегаполисе столкнулись каталонский и испанский национализм, левые и правые идеи, создавая накаленный климат, и именно здесь возникли первые фашистские и полуфашистские отколовшиеся группы. Как и в других странах, первые подлинно фашистские идеи распространялись небольшими интеллектуальными кругами и несколькими активистами.

Наиболее значимым для возникновения испанского фашизма является Эрнесто Хименес Кабальеро. Родившись в 1899 году в богатой и либеральной мадридской семье, он пережил колониальную войну в Испанском Марокко в качестве призывника. Его отчет о пережитом, *Notas marueccas de un soldado*, опубликованный в 1923 году, вызвал небольшой скандал с резкой критикой военного руководства, из-за чего Хименес Кабальеро временно оказался

в тюрьме. Своей элитарностью фронтовиков книга напоминает фронтовой роман Веймарской республики, и, как и в этих сравниваемых произведениях, в ней поднимается вопрос о роли нации и ее месте в мире. Впоследствии испанец преподавал английский язык во французском университете Страсбурга и вскоре развил ярко выраженный испанизм как противовес влиянию западного материализма. Регионы и народы Пиренейского полуострова должны были объединиться под общим символом, под общей задачей (Naz). Хименес Кабальеро женился на сестре итальянского консула в Страсбурге и был введен ею в мир фашизма. Вскоре он вернулся в Мадрид и присоединился к литературному авангарду в качестве главного редактора *Gaceta Literaria*.

В этой функции Хименес Кабальеро стал ведущим автором «Поколения 1927 года». Эта группа литературно-интеллектуального авангарда стремилась политизировать литературную сцену. Сочетание экстремистских проявлений авангардизма с культурным национализмом — по образцу раннего итальянского фашизма — должно было преодолеть отсталость Испании и стать ключом к решению ее проблем. Новое искусство и новая культура, в духе Ницше или д'Аннунцио, направлены не на что иное, как на создание нового человека. Первоначально группа была ориентирована на культурный плюрализм, получая важные импульсы от современности и жизнеспособности каталонцев и португальцев. Хи-

менес Кабальеро много сделал для продвижения выставки современной литературы из Каталонии, Португалии, Аргентины и Германии в Мадриде. Турне по Средиземноморью закончилось в Италии в 1928 году, где он пережил свой Дамаск — испанский авангардист был потрясен итальянским фашизмом. Ему казалось, что фашизм возродил Рим как центр современной цивилизации и христианства: НФП разработала новые культурные и политические формы для осуществления модернизации и последовательного внутреннего развития Италии, объединив интеллектуалов и массы. Таким образом, в глазах испанского гостя фашизм выступал как за подлинную революцию современности, так и за католическо-латинскую народную культуру. Он наложил материализм и искусственность, чтобы сплавить их с народной культурой и националистически заряженной атмосферой в сплоченную и далекоидущую национальную миссию. Отныне Хименес Кабальеро предлагал итальянскую модель в качестве решения трудностей Испании, которые, по его мнению, были вызваны в основном половинчатым принятием североевропейских идей.

Признание главного редактора *Gazeta* 15 февраля 1929 года в фашизме вызвало открытый редакционный кризис. В то же время Хименес Кабальеро объявил о переводе на испанский язык классического произведения Малапарте *Italia contro Europa*. Он адаптировал воинственный и популистский на-

циональный синдикализм Курцио Малапарте и заявил, что для создания испанского фашизма нужно пойти гораздо дальше, чем диктатор Primo de Rivera, который все еще находился у власти. Более консервативная часть редакции ушла, уступив место протофашистским интеллектуалам, таким как некий Рамиро Ледесма Рамос. Хименес Кабальеро по-прежнему избегал термина «фашизм», но все чаще тематизировал насилие как путь к культурному и национальному возрождению Испании. Панромантический фашизм шел рука об руку с резкой критикой расизма и антисемитизма немецких правых; в целом, группа с подозрением относилась к протестантским нациям. Однако в начале Второй республики *Gazeta* была в значительной степени изолирована. Когда Хименес Кабальеро переместился ближе к социалистическим левым и искал там личностей, близких к его идеям, многие бывшие друзья и сторонники сочли его оппортунистом.

РАМИРО ЛЕДЕСМА РАМОС И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СИНДИКАЛИЗМА

Философский эссеист и писатель Рамиро Ледесма Рамос должен был придать более четкую и радикальную форму смутному проекту Хименеса Кабальеро. Если последний был первым фашистским интеллектуалом Испании, то первому предстояло создать первый испанский фашизм. Ледесма Рамос

родился в 1905 году в семье учителей в провинции Замора. Вначале он жил почтовым служащим в Мадриде и как автодидакт превратился в пессимистичного интеллектуала. Его первая работа, *El sello de la muerte*, обнаруживает явное ницшеанское влияние. После некоторого перерыва неутомимый философ смог поступить в престижный институт при Мадридском университете, где в 1930 году окончил философский факультет. Еще до окончания учебы он считался самым начитанным молодым интеллектуалом столицы и приобрел репутацию переводчика немецких философов и эссеиста.

После изучения Гуссерля и Хайдеггера Ледесма Рамос, посещавший салоны Ортеги-и-Гассета и Хименеса Кабальеро, вскоре пришел к выводу, что страх и бессмысленность человеческой жизни можно победить только с помощью воли и достижения целей, а прямое действие, заимствованное у анархистов, оказалось испытанным средством. Он считал испанскую культуру неполноценной, поскольку Испания была единственной великой нацией, не выработавшей значительной философии и интеллектуальной диктатуры. Ссылаясь на испанистов, Ледесма Рамос сформулировал, что упадок страны был вызван сочетанием военного и культурного западного влияния. Возврат к прошлому был отвергнут — Испании нужна современная революция с массовой базой, авторитетом, силой воли, национальным единством, центральным руководством и революционной экономической программой. Поэтому Испании нуж-

но было что-то вроде фашизма. Мадридская культурная буржуазия с раздражением отреагировала, когда их любимец признался в радикализации на литературном банкете в честь Хименеса Кабальеро. После окончания учебы Ледесма Рамос отправился в путешествие и провел четыре месяца в Гейдельберге, среди прочих мест, где он вступил в тесный контакт с местной группой нацистской ассоциации студентов, которая считалась особенно экстремистской.

К ужасу своего прежнего социального окружения, Рамиро Ледесма Рамос с горсткой единомышленников основал журнал *La Conquista del Estado*, который не только внешне был основан на одноименном памфлете Курцио Малапарте (по сути, теории государственного переворота) и впервые появился 14 марта 1931 года. Эмблемой журнала были ярмо и стрелы, *uigo y flechas*, символ Фердинанда и Изабеллы, католических монархов. Политический манифест бомбардировал читателя лозунгами против либерализма, против международного марксизма и декаданса испанского настоящего.

Молодежь Испании была призвана создать Новое государство путем насильственных действий против существующего порядка и партий. Это Новое государство должно было иметь тоталитарные черты; свобода предоставлялась только в рамках установленного им порядка. Несмотря на признание разнообразия и автономии испанских регионов и национальностей, сепаратизм должен был быть искоренен. Задача Нового государства заключалась

в реализации политических, культурных и экономических целей испанского народа. Вся испанская экономика должна была быть объединена в обязательные синдикаты, которые, в свою очередь, должны были находиться под контролем государства с целью повышения эффективности и социальной справедливости. Здесь Ледесма Рамос искажил анархистскую концепцию синдиката: в то время как анархисты CNT понимали его как объединение всех рабочих, он предполагал вертикальный синдикат, включающий работодателей. Программа предусматривала проведение радикальной земельной реформы с экспроприацией паразитирующих крупных землевладельцев, распределением земли среди аграрного пролетариата и созданием кооперативов. Кроме того, первые испанские национальные синдикалисты призывали к национализации ключевых отраслей промышленности, банков, страхования и транспорта, жесткому контролю внешней торговли и государственному экономическому планированию — явно «левый» фашизм.

Выяснение отношений со все еще могущественной католической церковью произошло в номере *Conquista* от 20 июня 1931 г. Ледесма Рамос провозгласил, что церковь никогда не сможет претендовать на суверенитет над государством. Хотя религиозные чувства населения должны уважаться, католическая церковь на протяжении многих лет была замешана в преступлениях против благосостояния испанского народа — поэтому государство должно пересмотреть свою роль. В запутанном виде это означало экспро-

приацию и строгое отделение церкви от государства. «Национальная революция — это предприятие, которое должны осуществить испанцы, католическая жизнь не имеет к ней никакого отношения, потому что она касается не испанца, а человека, который хочет спасти свою душу». Здесь, таким образом, не было никакой ссылки на традиционный общественный и государственный порядок, определяемый католиками. В любом случае пропаганда была направлена на социально неблагополучные слои, такие как сельскохозяйственные рабочие и промышленные пролетарии, что были в значительной степени отчуждены от церкви. Лозунги синдикалистского государства должны были привлечь на свою сторону анархистов, разочарованных окопной войной внутри CNT, среди которых Малапарте, в конце концов, тоже имел определенную репутацию. Ухаживание за ультралевыми не имело большого успеха, хотя лидер мадридских анархистов Никасио Альварес де Сотомайор присоединился к группе. В июле 1931 года Ледесма Рамос впервые попал в тюрьму в результате своей агрессивной агитации, а после нескольких расследований и запретов, в октябре Conquista del Estado навсегда прекратила свое издание. Несмотря на незначительность группы, Рамиро Ледесма Рамос первым распространил идею революционного национального синдикализма и дал движению важные лозунги.